

0-773182

*На правах рукописи*

**Сорочан Александр Юрьевич**

**Формы репрезентации истории  
в русской прозе XIX века**

10.01.01 – русская литература

**Автореферат диссертации на соискание учёной степени  
доктора филологических наук**

Тверь – 2008

Работа выполнена в Тверском государственном университете

**Научный консультант:**  
сор

доктор филологических наук, профес-

**Строганов Михаил Викторович**

**Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профес-  
сор

**Викторович Владимир Александрович**

доктор филологических наук

**Виролайнен Мария Наумовна**

доктор филологических наук, профессор

**Душечкина Елена Владимировна**

**Ведущая организация:** Курский государственный университет

Защита состоится 6 ноября 2008 года, в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, д. 44а.

Автореферат разослан «2» октября 2008 г.

Учёный секретарь  
диссертационного совета Николаева С. Ю.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000439089



Развитие социальной антропологии как направления литературоведческих исследований требует как можно более широкого контекста освоения литературного процесса. При этом особое значение приобретает исторический жанр, на материале которого с особой очевидностью раскрываются новые закономерности художественного мышления, проникновение исторических и философских концепций в художественную литературу, специфические аспекты художественного осмысления истории. Для понимания этих вопросов необходимо освоение всего репертуара русской прозы, поэзии, драматургии XIX в. Ведь взаимоотношения литературы и истории всегда драматичны. Трансформация исторических событий, историософских концепций, изменение той роли, которую они играют в художественных текстах, крайне значимы для литературного процесса. Иногда это воздействие проявляется опосредованно, но чаще — ярко и выразительно.

Так происходило в русской литературе, где драматизм истории осваивался в самых разных формах. Сначала возник интерес к ярким, «вершинным» моментам истории, потом начались попытки художественного освоения исторических законов, потом пришел черед психологического анализа характеров и философских закономерностей истории. На этом пути мы сталкиваемся с множеством удачных и неудачных экспериментов, прижившихся и не прижившихся жанров, с целым рядом заслуженно и незаслуженно забытых авторов. И проблема освоения всех аспектов национальной и мировой истории в русской литературе может быть формализована и рассмотрена на очень широком материале.

В 1830—1840-х и позднее, в 1870—1890-х гг., исторические жанры даже количественно занимают первое место в литературном процессе. Так, в 1831—1839 гг. отдельными изданиями вышло более 300 исторических романов<sup>1</sup>; а в одном только 1884 г., по данным журнала «Книжный вестник», их появилось около 80. Именно литература исторических жанров в наибольшей степени репрезентативна для анализа среднего уровня литературного развития того или иного периода, для уяснения тех эстетических и мировоззренческих принципов, которые утверждаются и активно воплощаются в художественной литературе.

И в наши дни исторический материал остается актуальным и для литературы (вспомним о недавнем взлете интереса к исторической прозе В. С. Пикуля и Д. М. Балашова), и для культуры в целом. На этом фоне сначала отдельные сочинения уже полузабытых авторов (М. Н. Загоскин,

---

<sup>1</sup> Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х гг. XIX в. (библиографический указатель) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34.

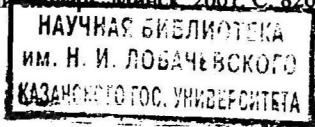
Н. А. Полевой), а потом издания всё более и более объемные (в последние годы вышли собрания сочинений Р. М. Зотова, И. И. Лажечникова, Загоскина, Н. Э. Гейнце, Д. Л. Мордовцева и многих других) возвращаются в читательский и научный обиход. Однако немаловажным представляется и то, что всплеск интереса к исторической тематике всегда непродолжителен: десятилетия интереса сменяются десятилетиями забвения. Так было в 1830-х, в 1870-х, так было и в 1990-х. И причина не только в состоянии общества, но и в авторах, которые стремятся (или не стремятся) отвечать общественным потребностям, в выборе тем и их освещения. Потому исследование репрезентации истории в литературе XIX в. неминуемо приведет к пониманию закономерностей литературного процесса XX и XXI вв. Ведь история не утрачивает современного звучания никогда, просто меняются формы этой актуализации.

Наше исследование репрезентаций связано с проблемой времени, и потому возвращение к философской традиции в трактовке термина более чем оправданно. Под репрезентацией мы понимаем «представление одного в другом и посредством другого». «Феномен репрезентации изначально задается как “запаздывающий” или вторичный относительно присутствия — презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентует»<sup>2</sup>. Именно это значение позволяет нам рассматривать «вторичные проявления» — тексты, в которых фиксируется не самый объект (история), а представление о нем.

**Актуальность** диссертации обусловлена не только востребованностью исторической литературы, но и терминологическими дискуссиями в литературоведении, позволяющими по-новому интерпретировать судьбы воплощений истории в литературе. История открывается постепенно и в разных формах, в системе эстетических ценностей она далеко не сразу занимает значительное место. Именно осмысление различных целевых установок и методик их художественной реализации и составляет существо нашей работы. Итогом ее должно стать понимание эволюции роли истории в литературе, характеристика развития и дифференциации репрезентационных практик.

Диссертационная работа написана на **материале** произведений как классиков русской литературы (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой), известных литераторов XIX века (от В. Т. Нарезного до Г. П. Данилевского) так и авторов, мало изученных или вовсе забытых (от А. А. Павлова до А. И. Соколовой). Рассматриваются и произ-

<sup>2</sup> Новейший философский словарь. Минск 2001. С. 826.



ведения на исторические сюжеты, и тексты, в которых так или иначе репрезентируется историческое прошлое.

**Объектом** исследования стал весь корпус русской художественной прозы XIX в., рассмотренной сквозь призму представлений в литературной форме исторического прошлого. Различие форм репрезентации истории в литературе позволяет создать целостное описание разнородных явлений и раскрыть особенности эволюции эпических жанров и художественных установок, представить меняющуюся телеологию литературы.

**Цели** данного исследования:

последовательно рассмотреть разные формы проникновения истории в литературу,

охарактеризовать основные эстетические системы описания исторического прошлого.

Целями исследования обусловлены его **задачи**:

представить целостное описание тех форм, которые принимает исторический опыт в пространстве художественного текста;

охарактеризовать тенденциозные исторические представления XIX века и их художественные воплощения;

проанализировать специфику исторического вымысла в русской прозе XIX века и его различные варианты;

определить методы репрезентации исторических фактов в прозе;

раскрыть специфику освоения литературой техники описания «смысла истории», поисков в истории вневременных свойств;

охарактеризовать взаимоотношения литературной классики и исторической беллетристики и представить общие закономерности изменения литературной аксиологии.

**Теоретико-методологическая база** исследования основана на представлении о единстве литературного процесса, которое обеспечивает возможность целостного анализа исторического содержания произведений «классиков» и «беллетристов» XIX в.

Долгое время исследование репрезентаций проходило по ведомству «интеллектуальной истории» с учетом уточнений, вносимых новейшими исследователями: «В отличие от историков экономики или социальных историков — тех, кто воссоздает то, что действительно было, — исследователь истории ментальностей или истории идей ищет не реальность, а способы, которыми люди рассматривают и перегруппировывают реальность»<sup>3</sup>. Описание «типов истории», измене-

---

<sup>3</sup> *Шартье Роже*. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. См. также: *Зенкин С.* Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

ние границ «документальных текстов» крайне важны для понимания специфики репрезентаций; однако анализ *средств*, игнорирующий, по существу, *цели*, тоже не вполне состоятелен: «Репрезентация есть составная часть интерпретации, а не ее абстрактная рамка»<sup>4</sup>. Но при этом закономерности новейшей «writing culture» подчас механически переносились в пространство «истории идей» других эпох, и репрезентация становилась основой для «атомарного» изучения текста, конструированием аналитической философии.

Новейшие обсуждения «теории репрезентаций» дали очень интересные результаты, но усложнение терминологического аппарата сыграло и отрицательную роль, что было отмечено и самими исследователями, обнаружившими, что в историческом дискурсе новомодная теория желаемых результатов не дает. Мы рассматриваем художественные или публицистические произведения, а не научные сочинения, презентующие историю. Термин оказывается исключительно важен для понимания отношений литературы и истории в русской культуре XIX в. Данное направление исследований способствует пониманию того, как постепенно менялась роль истории в литературе и как структурировались и эволюционировали репрезентационные практики. Такого рода анализ опирается на методологию, вырабатывавшуюся и западными исследователями интеллектуальной истории (К. Гирц, Р. Шартье, П. Берк, Л. Энгельштейн и др.), и российскими литературоведами (Б. В. Томашевский, М. М. Бахтин, Н. Н. Петрунина, Я. Л. Левкович, М. В. Строганов, В. А. Кошелев, Н. Л. Вершинина и др.). И синтез этих двух традиций позволяет от эмпирического описания репрезентационных практик перейти к глубокому осмыслению закономерностей художественной истории.

В основу методологии положен историко-литературный **метод исследования**. Методологический инструментарий актуализирует и конкретизирует понятия и представления о цельности литературного процесса, об отношениях классики и беллетристики, истории и литературы.

**Положения**, выносимые на защиту:

1. До сих пор очевидна изоляция исторических жанров в литературоведении; историзм рассматривается вне жанровой системы, вне истории литературы, вне реального литературного процесса. Анализ общих тенденций, очевидных в исторической беллетристике и в «мэйн-стриме», необходим. Анализ форм репрезентации истории способст-

---

<sup>4</sup> *Елфимов А.* Об антропологии и гуманитарных науках: несколько заметок о творчестве К. Гирца // Новое литературное обозрение. 2004. № 70.

вует решению вопроса о функциях исторического материала, о его художественных задачах и об эволюции форм литературного выражения исторических коллизий.

2. Книги признанных классиков русской литературы – это объекты историко-литературного процесса, которые взаимодействуют с другими объектами. Необходимо восполнить пробелы и ввести в научный обиход многочисленные тексты, которые представляют немалый интерес, но которые забыты ныне. Классификация репрезентационных техник – единственная возможность для определения общих закономерностей в развитии художественных представлений об истории в XIX в.; она позволяет определить те ракурсы, в которых представляли события прошлого в художественном воплощении. Разные поводы обращения к истории приводили к разным функциональным формам ее репрезентации.

3. Историческая литература XIX в. начиналась с выражения неких вневременных (национальных, политических или нравственных) доктрин. История сводилась к утверждению той или иной тенденции. Изображение исторических событий оставалось по существу предлогом для выражения внешней по отношению к ним идеи – национальной, социальной или «нравственной». В середине XIX в. тенденциозная репрезентация истории способствует обновлению других жанров, помимо исторического романа и повести. Активное использование подобных репрезентационных техник в романе на современные темы, в публицистике и поэзии вполне объяснимо. Стереотипные тенденциозные решения способствуют своеобразной «стабилизации» современности в литературном тексте; мы обнаруживаем сходные формы репрезентации истории в творчестве таких разных авторов, как Загоскин и Герцен, Тютчев и Фет.

4. В литературе первой половины XIX в. реализовано и иное отношение к истории, во многом опиравшееся на опыт XVIII в. Для характеристики этой модели важна антитеза литературной и научной репрезентации истории: историки выступали с концептуальными построениями, писатели создавали художественные изображения. В художественной форме опыт прошлого реализуется как чистая условность, прихотливая игра фантазии. Прошлое репрезентировалось как чистейшая фикция. Место фольклорных реконструкций занимает история литературы, прошлое сводится к одной только истории изящной словесности и такое воспроизведение условных схем способствует цельному описанию разнородного материала.

5. Репрезентация истории как вымысла противопоставлена репрезентация истории как описанию фактов. Эта форма возникла в русской литературе под влиянием А. Дюма-отца, в романах Р. М. Зотова и

Н. В. Кукольника. В этих популярных сочинениях независимая ценность исторического факта представлена в особой форме: романтические главы в правильном порядке чередуются с историческими. А. С. Пушкин, обращаясь к этому материалу, от имитации уже известных репрезентационных техник пришел к установке на изображение истории как собрания фактов, обретающих значение при осмыслении связей между ними. Апофеоз устремления к художественно организованной фактографической точности можно обнаружить в текстах о пугачевском восстании. Однако позднейшая история этой репрезентационной техники свидетельствует, что абсолютизируется одно из начальных звеньев; история обращается либо в перечисление фактов, либо в такое же протокольное исчисление случаев. Данная репрезентационная техника по-прежнему основывается на признании известной неполноценности истории.

6. Иная репрезентационная модель основана на признании самостоятельной ценности исторического познания, не ограниченного рамками тенденциозных схем, свободного от сомнений в иллюзорности минувшего и от ограниченности скупого перечня фактов. Тогда абсолютизация исторического опыта человечества, обращение к урокам истории приводит к тому, что исторический материал становится не посредником, а основой повествования. В «квазиисторических» произведениях Вс. С. Соловьева, Д. Л. Мордовцева и других обнаруживается стремление перейти от тенденциозных построений на историческом материале к созданию текстов, посвященных «связи времен», а затем – к построению непротиворечивой картины, включающей и опыт прошлого, и факты настоящего.

7. Широкое распространение исторической беллетристики связано с тем, что всякий беллетрист мыслит литературными формулами, уже готовыми, раз и навсегда данными. Это могут быть формулы жанровые, сюжетные, языковые, но для беллетриста их существование не подвержено сомнению. Беллетристические произведения могут быть разными, но они основаны на использовании формул. Тем самым получает объяснение формализация исторических жанров; всё многообразие репрезентаций истории можно свести к нескольким продуктивным формам, которые можно разделить на две группы: исторический материал оказывается либо основой, либо посредником.

**Научная новизна** исследования состоит в целостном осмыслении репрезентационных техник в русской прозе XIX в.; она определяется проведённым углублённым исследованием беллетристической парадигмы, осмыслением всех стратегий репрезентации истории в художественной прозе. Впервые анализируется трансформация отношения к

истории, выразившаяся в художественных текстах. Целостная классификация позволяет преодолеть существующий в литературоведении разрыв между «классическими» и «беллетристическими» текстами и создать полное описание тех принципов, на основании которых история входит в литературный текст.

**Теоретическая значимость** диссертации заключается в корректировании имеющихся в литературоведении представлений об отношениях истории и литературы; в разработке теории репрезентации, теории жанров; в апробации новых принципов изучения художественных произведений на исторические темы.

**Практическое значение** полученных результатов работы состоит в возможности их использования в преподавании историко-литературных курсов, посвященных русской литературе XIX в., исторической поэтики, а также в рамках специальных курсов.

Основные результаты исследования **апробированы** в 49 публикациях, общим объемом около 40 п.л., в том числе в монографии, 7-ми публикациях на страницах изданий, рекомендованных ВАК для размещения научных результатов по докторским диссертациям; в учебно-методическом пособии и докладах на научных конференциях разных уровней. Среди них: Ищукские чтения (Тверь, 1998—2006); международные конференции «Мир, называемый Львовым» (Тверь, 2001, 2003); Фетовские чтения (Курск, 2002—2007), международная конференция «Педагогические идеи русской литературы» (Коломна, 2003), международная конференция «Беллетристическая пушкиниана» (Псков, 2003), международная научная конференция «Национальные картины мира» (Курск, 2003); международные конференции «Мир детства и литература» (Тверь, 2003, 2007); конференции «Драма и театр» (Тверь, 2005, 2007); международная конференция «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы» (Липецк, 2006); международная конференция «А. С. Пушкин и мировая культура» (Арзамас, 2007); международная конференция «И. А. Гончаров и XXI век: творческий диалог» (Ульяновск, 2007) и др.

**Основные направления** исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета.

**Результаты** диссертационного исследования использовались в лекционных курсах диссертанта «История древнерусской литературы», «История русской литературной критики», «Русская художественная культура» и на семинарских занятиях, в рамках спецкурсов «Литература и история», «Русский исторический роман XIX века» в Тверском государственном университете.

**Структура** диссертации включает Введение, 4 главы, Заключение. Приложен список использованной литературы.

**Объём** работы – 400 страниц.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются цели и задачи работы, характеризуются методологические основания исследования и история изучения проблемы.

В первой главе работы **«История как тенденция»** рассматриваются различные варианты той репрезентационной модели, которая в начале XIX в. стала определяющей. Эта система представлений пробудила интерес читателей и писателей к истории, но в то же время предельно ограничила выбор ракурсов художественного описания истории. Ее развитие связано во многом с «литературными» условиями эпохи. Касается это и 1820-1830-х гг., когда общественные интересы склоняются от поэзии к прозе. Нельзя сказать, что поэтические жанры (особенно элегия) не дают примеров исторической тенденциозности; однако в прозе поиск в истории подтверждений той или иной «тенденции» более очевиден. И репрезентационные техники получают развитие именно тогда, когда литература обращается от описания отдельных мгновений к описанию закономерностей истории, к описанию целого. Подобная генерализация стала причиной развития нескольких тенденциозных установок. История в данном случае используется как средство для их подтверждения; авторы стремятся обосновать избранную «тенденцию» на конкретном материале – на сюжетах из различных времен.

Уже первые опыты авторов XIX в. в исторической прозе и драматургии продемонстрировали притягательность *«национальной» тенденции*, основанной на признании неизменных свойств всякой нации. Ей посвящен первый параграф главы. Именно с национальной тенденции и начался русский исторический роман – «Юрий Милославский» (1829) Загоскина является наиболее полной и едва ли не самой удачной реализацией принципов «национальной» тенденциозности. В романах «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) и «Русские в начале осмнадцатого столетия» (1848) Загоскин предлагает читателям рассмотреть преемственность эпох и поколений, увидеть все достоинства народного духа, выразившиеся в годы войн и кризисов. Основой цельного понимания истории становится национальное единство, выражающееся в неизменности национальных характеров, не зависящих от внешних обстоятельств.



Эту статичную систему, созданную Загоскиным, пытались повторить многие романисты так называемого «патриотического направления», для которых «официальная народность» стала единственным руководством к действию при художественном описании исторического мироустройства. Вечными качествами русских в их исторических романах объяснялось абсолютно всё, а «внутренние», душевные состояния выводились из «внешних». Иностранцы, у которых эти качества отсутствуют, действуют на основе своих национальных характеров, большей частью изображенных отрицательно – в сравнении с «народным духом» россиян. Таким историческим романам чужда развернутая характерологическая система, свойственная первым опытам Загоскина. Одна – магистральная – черта национального характера определяет собой все прочие. Естественно, что осознание причастности к этой центральной национальной характеристике было едва ли не единственной основой миропорядка. Романы последователей Загоскина (Н. М. Коншин, А. А. Павлов и др.) позволяют проследить дальнейшее развитие и упрощение национально-тенденциозных описаний истории. Тот же процесс мы видим и в «патриотической» драматургии Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого и других авторов. Официозно утвержденная драматургия, использующая материал русской истории, выносит на общее рассмотрение такую же упрощенную модель репрезентации переломных моментов в истории борьбы России за независимость (и – главное – за самодержавную власть), что и проза.

Но в русской исторической прозе возникает еще один вид репрезентации исторического материала – на основе соблюдения принципа «status quo» в общественной жизни. Этому посвящен второй параграф главы – *«Социальная тенденция»*. Человек не оставался в исторической литературе только частью своей нации; он привлекает внимание прозаиков и как представитель различных «социальных групп». Но и здесь сохраняется значительный простор для развертывания авторских исторических представлений, чаще всего приводящих к признанию неких статичных закономерностей истории и бытия человека в ней. В рамках авторской концепции эти тезисы приобретали значение единственного содержания истории. Наиболее явственно эта репрезентация исторического материала представлена в произведениях авторов, близких к журналу «Сын Отечества», прежде всего у К. П. Масальского, романы которого «Стрельцы» (1832), «Регентство Бирона» (1834), «Лейтенант и поручик» (1848—1852) представляют наиболее полное развитие данной репрезентативной техники. Автор не ссылается на специфику «народного духа». Положительные герои Масальского стремятся всеми силами сохранить раз и навсегда установ-

ленные с начала истории положение вещей и законы. Стремление к статусу лишено четкой национальной направленности, оно является исходным, важнейшим для романиста качеством.

Логичен переход от статике общественной к статике нравственной жизни; ему посвящен третий параграф – «*Нравственно-историческая тенденциозность*». Эта модель репрезентации истории воплощена в исторической прозе Булгарина и в сочинениях его многочисленных последователей (П. И. Голота, Н. В. Сементовский), основанных на тенденциозном описании нравственных установок: предначертание добра и зла исчерпывает всю сложность исторической жизни. Тематические и сюжетные параллели помогают в данном случае проследить единство художественно-исторических принципов. И добродетель, и порок у «обычных людей» смягчаются воздействием обстоятельств. У «великих» же исторических натур (Наполеон, Димитрий Самозванец, Мазепа) они достигают крайнего выражения, обстоятельства не могут смирить их гигантской духовной силы во всей ее однонаправленности. И положительные и отрицательные качества устремлены к своему пределу, обретая деятельную реализацию в исторических событиях, в корне отличных от бытовой реальности, в которой и добро, и зло существуют в «ретушированном» виде. Неоконченный роман Лермонтова «Вадим» также находится в русле этой традиции. Его незавершенность наглядно демонстрирует несовершенство «нравственно-исторических» установок.

В литературе середины XIX в. тенденциозные репрезентации истории становятся все более популярными и проникают в самые разные жанры; при этом роль собственно исторических жанров в создании такого рода художественных представлений снижается. Об этом идет речь в четвертом параграфе «*Историческая тенденциозность в литературе середины XIX века*». В романах И. С. Тургенева тенденциозные установки используются при описании исторических коллизий. События, отделенные от современности изрядным промежутком времени, рассматриваются как современные в силу изначальной установки. Для реконструкции того пути, который проделан людьми «культурного слоя» (И. С. Тургенев), романист привлекает опыт предшествующих поколений. Но общие установки не меняются в зависимости от эпохи; исторические события (будь то революция 1848 г. или «хождение в народ») рассматриваются в контексте заданной модели развития. Подобных примеров очень много – и в самой распространенности тенденциозного подхода к репрезентации истории кроется некая закономерность. При рассмотрении репрезентаций истории в «неисторических» текстах обнаруживаются любопытные сближения: сходные

формы художественного воссоздания прошлого используются писателями, весьма далекими друг от друга, принадлежащими к разным лагерям, писателями, на первый взгляд, вовсе не проявляющими интереса к связи времен и к специфике исторического материала. Это раскрывается в сопоставлении публицистики М. Н. Загоскина и А. И. Герцена, в анализе поэзии и прозы А. А. Фета и Ф. И. Тютчева. «Верность идее», например, у Фета означает верность истории – но истории, тенденциозно истолкованной и сведенной к статичным принципам социального существования. И эта тенденциозность в 1850—1860-х гг. была как нельзя более уместна; позднее ее потеснили иные формы репрезентации исторического материала.

Реванш тенденциозной формы репрезентации истории рассматривается в пятом разделе главы *«Тенденциозные репрезентации истории в массовой беллетристике конца XIX века»* на материале литературы «для грамотных читателей». Интерес к тенденциозным историческим построениям воскресает в 1880-х гг. Причина этого – в расширении круга читателей, способных воспринимать исторические сочинения. Загоскин, Булгарин и Масальский приохотили образованную публику первой половины века к историческим сочинениям, основанным на тенденциозных построениях. Их произведения распространяются всё шире, появляются переделки и сокращенные варианты. А поскольку к историческому прошлому обращаются всё новые группы читателей, беллетристы откликаются на существующий спрос. Так появляются тексты, в которых история репрезентируется как переходное звено между «тенденцией» и читателем. В сочинениях Н. Э. Гейнце, В. П. Авенариуса, П. Н. Полевого история вновь представляет лишь примеры, подтверждающие основную идею. Романическое происшествие вторично; первична неизменная авторская установка, в данном случае – описание предельно устойчивого авторитарного общественного устройства. Историческая точность при реализации подобной установки не обязательна. Но тенденциозная репрезентация истории остоится уделом низовой беллетристики, романа-фельетона.

Но существуют и развиваются иные формы художественного воплощения прошлого в настоящем. Во второй главе **«История как вымысел»** рассматривается сюжетный потенциал исторического прошлого, раскрытие которого началось еще в XVIII в. Основу репрезентации истории как чистого вымысла составляло использование фольклорно-исторического материала, новое насыщение событийной канвы прошлого, переосмысление привычных сюжетов в старинном духе. То, что казалось анахронизмом в 1800-х гг., неожиданно возникло в 1830-х и оказалось в высшей степени интересным опытом. Воз-

возможность преодолеть заданность, одномерное идейное насыщение исторического «багажа», казалось, коренилась в еще более глубоком прошлом – в русской сказке, в рыцарском романе и тому подобных жанрах, где не было места узко понимаемой тенденции. На протяжении XIX в. это привело к нескольким конкретным формам репрезентации истории как вымысла – сказочного, научного или литературного.

В первом разделе *«Вымысел сказочный»* мы рассматриваем традицию художественного воплощения коллизий прошлого, связанную с условно фольклорным влиянием и принципиальной невозможностью преодолеть «течение времени». Примером служит творчество авторов рубежа XVIII—XIX вв. – Н. А. Львова, А. Н. Радищева и В. Т. Нарезного. Репрезентация истории как замысловатой сказки характерно для литературы XVIII в. Но на рубеже веков уже появляются тексты, в которых на смену гомогенному богатырскому времени приходит образ более сложный и занимательный. Занимаясь историческими изысканиями, авторы облачают их промежуточные результаты в художественную форму. Особенно характерен здесь опыт Н. А. Львова, публикатора и комментатора русских летописей, автора поэмы «Добрыня». В поэме А. Н. Радищева «Бова» знакомый сказочный сюжет становится основой произведения, будучи условно привязан к условному прошедшему времени. История подавалась как чистый вымысел, хотя в фольклорные формы со временем вносилось все больше оригинальности. Примером полной реализации такой репрезентативной техники, лишь намеченной на рубеже веков (и получившей развитие в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»), стало творчество В. Т. Нарезного – романы «Бурсак» и «Гаркуша, малороссийский разбойник».

Но репрезентация истории как вымысла может основываться на посылах, актуализировавшихся в XIX в. с развитием науки. Во втором разделе *«Вымысел научный»* рассматривается творчество А. Ф. Вельтмана, В. И. Даля и Е. И. Вельтман, основу которых составляют архетипические сказочные ситуации, лишь условно привязанные к исторической реальности посредством научных или псевдо-научных построений. В произведениях А. Ф. Вельтмана мы обнаруживаем своеобразный синтез фольклорных представлений с научными. В итоге создается уникальная система репрезентации истории, весьма условная и в то же время предельно оригинальная. Многие критики отказывались рассматривать произведения Вельтмана как исторические. Вместе с тем в его сочинениях – от романа «Страннику» (1829) до повести «Райна, королева болгарская» (1848) – очевидна общая репрезентационная установка. Подлинной свободы Вельтман ищет в сфере мозаичного воссоздания полусказочного – полуисторического древне-

го мира. Течение «баснословной» истории мотивируется прежде всего с помощью смелых гипотез, часто вынесенных в примечания и изложенных более увлекательно, нежели сами романические события. Исторический аспект системы художественных представлений писателя всецело определяется прихотливым сплетением авторских гипотез — на грани сказок и научных концепций. Сомнение в ценности истории обретало в литературе самые разные формы — и зачастую приводило к уверенности в фиктивности, условности и необязательности исторического материала, как в сказках и очерках В. И. Даля, где этнографические гипотезы заменяют подчас сюжетное действие.

Любопытный случай подмены истории литературой, а исторических сюжетов — схемами, традиционными для литературы соответствующей эпохи, мы наблюдаем в сочинениях В. Р. Зотова, А. Ф. Вельтмана, А. К. Толстого и др. Этому посвящен третий раздел *«Вымысел литературный»*. Роман В. Р. Зотова *«Старый дом»* (1850—1851) построен как описание столетней истории дома и страны, но в целом прошлое рассматривается в книге как набор специфически литературных коллизий. По существу, перед нами проходит система жанров русской литературы в том порядке, как она складывалась на протяжении веков, сначала под воздействием западной культуры, потом — уже независимо, от литературы классицизма до философской прозы 1840-х гг. Те же принципы литературной игры обнаруживаются в исторических ретроспекциях в прозаических текстах А. К. Толстого, принадлежащих к различным жанрам и отражающим рефлексию литературной истории. Так происходит создание «фикциональных» исторических представлений: история в литературном тексте предстает вымыслом сложным, разветвленным, превосходно продуманным, но — только вымыслом.

Аналогичный процесс в литературе 1880—1890-х гг. анализируется в четвертом разделе *«Условные формы репрезентации истории в литературе конца XIX века»*. В беллетристике этого периода возникает сильное ощущение «фиктивности» истории; в нее проникают «такие атрибуты идеологии авангардистского искусства, как приоритет вымысла над фактом, искушение тайнами древности, потребность в мистификациях, смещение идеала в сторону запредельного»<sup>5</sup>. И это ведет к новой интерпретации связи времен. История становится условностью, чистым вымыслом, подлежащим либо развенчанию, либо вос-

---

<sup>5</sup> Сенкевич А. Е. П. Блаватская и Вс. С. Соловьев // Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. М: Республика, 1994. С. 325.

торженному приятию. В художественном тексте она по существу сливается с мифологией; всё прошлое сводится к более или менее разветвленному варьированию мифологических сюжетов. Это очевидно в русскоязычной прозе Е. П. Блаватской. Ее путешествие в Индию объясняется не стремлением наладить связи с «учеными браминами» или привлечь внимание к колониальной политике. Блаватскую занимает праистория человечества, в Индии она обнаруживает первоисточник духовного развития. И вся последующая история – лишь иллюзия, предназначенная для того, чтобы сокрыть извечную тайну. В увлекательные рассказы о прошлом Индии вплетаются важнейшие для автора указания на тайные знания далекого прошлого, которые составляют содержание традиционных с виду «путевых очерков» «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на Голубых горах» и «Дурбар в Лахоре». Блаватская не оставляет без объяснений ни одного понятия; даже самые закрытые, эзотерические она пытается истолковать доступно своим не постигшим Мудрости читателям. Репрезентация истории как вымысла, скрывающего древнюю эзотерическую истину, обнаруживается у близких Блаватской В. П. Желиховской, Л. И. Шаховской, В. И. Крыжановской-Рочестер, фантастические и исторические романы которой весьма сложно разграничить.

Но в конце XIX в., после успехов исторических наук, после усвоения читателями реальной сложности прошлого, представить многовековой опыт человечества чистейшей условностью, заменить непрерывную историческую последовательность последовательностью вымышленных построений – уже невозможно. И потому авторы всё чаще обращаются к тенденциозным репрезентациям или используют опыт работы с историческими фактами. Этот опыт описывается в третьей главе **«История как факт и случай»**. Накопление исторических фактов привело к тому, что литература больше не могла игнорировать данные исторической науки. И потому уже в 1830-х гг. появляются исторические произведения, в которых присутствуют на равных «романическая» и «историческая» линии. Позднее писатели пытаются по-разному преодолеть это разграничение, включив в художественные представления об истории и научную составляющую. При этом исторические факты получают то или иное специфическое оформление в художественном тексте, в зависимости от которого и строит свою историческую концепцию писатель.

Новая система, учитывавшая и опыт литературы, и опыт исторической науки, прошла в своем развитии целый ряд этапов – от механического соединения данных истории с литературным вымыслом до целостного художественного осмысления опыта прошлого. О первых опы-

тах воплощения динамики истории в прозе XIX в. идет речь в первом разделе «*История как интрига*». Эти описания истории тяготеют к тенденциозной репрезентации процесса. Здесь история представляется бесконечной «интригой», в полном соответствии с установками А. Дюма-отца и его последователей.

В России создателем такого рода сюжетной динамики стал Р. М. Зотов. Композиция его некоторое время очень популярной прозы мотивирована взглядами романиста на сочетание популяризации и развлечения. У Зотова история и вымысел разделены, хотя и не так жестко, как казалось А. М. Скабичевскому<sup>6</sup>. Подзаголовок первого романа Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1831), по замыслу автора, указывает на принципиальную невозможность показать в историческом романе *все* черты какой бы то ни было эпохи или личности. Многие поступки, их причины и цели окутываются флером загадки, ключ к которой лежит в важнейшем для Зотова понятии *политика, гражданская жизнь*. Эта жизнь первенствует даже в сфере интимных отношений. Будуар – вот место, где вершится большая политика; войны же и договоры – только внешние атрибуты и следствия ее внутренней деятельности. Зотов, разумеется, – верноподданный монархист; но в его исторической концепции монархия фигурирует как некий абстрактный символ, одно из вещественных проявлений *политики*. Но многообразие социальных ролей и тайных интриг в романах Зотова и Н. В. Кукольника только маскирует статичное понимание общественной жизни.

Во втором разделе «*Репрезентации истории в творчестве А. С. Пушкина*» анализ динамичной системы взаимоотношений исторической реальности и ее художественного воплощения продолжается на материале произведений Пушкина, который проходит путь от «приспособлений» истории к современности к созданию полноценного художественного описания прошлого, связанного с настоящим и в то же время наделенного самостоятельной ценностью.

В начале творческого пути Пушкин воспроизводит известные репрезентационные модели – в «Бове», «Руслане и Людмиле», «Вадиме»; первая попытка художественного воплощения оригинальных исторических представлений предпринята в «Песни о вещем Олеге». В первом историческом романе Пушкина дается своеобразная реконструкция истории «домашним образом», организованная по принципу кон-

---

<sup>6</sup> «У него правильно чередуются главы романические и исторические» (Скабичевский А. Сочинения. Т. II. СПб., 1890. Стлб. 767).



траста и сводимая к следующей формуле: положительные герои «<Арапа Петра Великого>» следуют велению долга, отрицательные – соображениям личной выгоды. Дуализм в данном случае распространяется и на вымышленных, и на реальных персонажей. И здесь остается простор для использования элементов самых разных тенденциозных исторических концепций, в том числе и национальной. В «Полтаве» историческая коллизия репрезентируется в оригинальной форме. Если речь в поэме заходит о событиях, в которые вовлечены все персонажи, появляется конкретика. Когда же описывается индивидуальный характер, поэт предлагает читателям лишь общие его черты. Противопоставление Петра и Карла достигается не описанием «случаев» и деталей, а самим строением поэмы и особенно описанием сражения.

Постоянное усиление роли факта в репрезентации истории сочетается у Пушкина с критикой тех исторических построений, в которых роль факта принижается. В этом ряду – и эпиграмма на Карамзина, и статья об «Истории русского народа» Полевого, и, конечно, «История села Горюхина». Пушкинская модель воссоздания «правды» исторических фактов в «Капитанской дочке» лапидарно сформулировала Я. Л. Левкович: «Истина – это освещение факта, способность историка проникнуть в глубину социальной сущности явлений. Личность, характер должны быть объяснены историей». Взята за основу типичная (или казавшаяся таковой автору) ситуация раскрыта с «помощью творческого воображения, направленного на углубление и раскрытие характера исторического лица»<sup>7</sup>. Пушкин возвращает читателю единство вымысла и истории, утраченное жанром, его модель репрезентации истории противоположна установкам романистов, даже внешне разделявших «роман» и «события». Репрезентация не тенденций и вымыслов, а реальных фактов в художественном освещении подтверждает продуктивность пушкинской модели исторического повествования. Создается цельный образ истории; факт и случай неразрывно спаяны. Причиной тому – способность Пушкина к отбору и группировке исторических материалов. Результаты репрезентации истории как факта и/или случая можно увидеть при анализе исторической прозы более позднего времени.

В третьем разделе модель репрезентации истории как последовательности случаев рассматривается на примере прозы Л. Н. Толстого. Уже в первых текстах писатель обращается к художественному осмыслению прошлого – и демонстрирует особое отношение к этому

---

<sup>7</sup> Левкович Я. Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VI. Л., 1969. С. 180, 194.



материалу. Толстой начал с истории – но с «Истории вчерашнего дня»: «...не потому, чтобы вчерашний день был чем-нибудь замечателен, скорее мог назваться замечательным, а потому, что давно хотелось мне рассказать задушевную сторону жизни одного дня»<sup>8</sup>. Соединяя в истории «поучительное» и «занимательное», Толстой не ограничивается механическим объединением деталей. В истории писатель изображает «беспредельность мыслей», поэтому объектом его внимания становится сначала только история частного человека. Историческая память – способность «группировать впечатления» (1, 359); именно такой подбор впечатлений, подчас прихотливый и всегда индивидуальный, Толстой и предлагает читателям в качестве единственно возможного описания минувшего.

«Объективная» фактография не интересует Толстого; описание прошлого основано не на перечне фактов, а на учете «малых величин» жизни. Из мельчайших событий и складывается единственно верная история. Определяющим становится описание душевной жизни героя в прошлом. Привычные для исторической прозы факты используются в раннем творчестве Толстого весьма своеобразно. В автобиографических повестях и «Севастопольских рассказах» при характеристике современности писатель обнаруживает исторические аналогии, упоминает события прошлого. Но из прошлого отбираются те моменты, которые «потеряли значение» и утратили содержание. Упоминания о Наполеоне в «Севастополе в мае» служат дискредитации и «великого» полководца, и его ничтожных последователей: «...всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтобы получить лишнюю звездочку или треть жалованья» (4, 53). История для Толстого представляется набором фраз и ложной героики; в мире мельчайших событий глобальные явления лишены свойственной им масштабности. Так подготавливается дискредитация истории, исторические факты, о которых шла речь выше, превращаются в ничтожные «случаи».

Воспроизведение исторического времени в произведениях Толстого сводится к индивидуальному, а не общему; изменяется масштаб описания прошлого. Место глобальных событий занимают мельчайшие подробности. Именно этим расхождением объясняется позднейшая оценка Тургенева: «История его – фокус; битие тонкими мелочами по глазам; психология – капризно-однообразная возня в одних и тех

---

<sup>8</sup> Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 343. Далее сочинения Толстого цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

ощущениях»<sup>9</sup>. С позиций тенденциозности толстовская модель художественной реконструкции прошлого (без различения временной дистанции) была полна иллюзорных красот и лишена реального содержания. Кажется, что важнейшие события прошлого теряются на фоне подробностей; а на самом деле Толстой по-новому фокусирует внимание читателей на событиях прошедшего времени.

Для описания истории-случайности нужна определенная философская установка. Требовалась цельность изображения, первоначально достигавшаяся единством описания прошлого и настоящего. Это касается замысла «Декабристов», в которых от описания людей прошлой эпохи Толстой планировал перейти к современности. Дальнейшая история «Войны и мира» всем известна. Художественное воспроизведение истории требует не формальной верности литературному или историческому канону, а точности описания неповторимых душевных движений. А линейность этих движений раскрывается в «Войне и мире» в точности в тех же формулах, что и в «Казаках»: «Людовика XIV казнили за то, что они говорили, что он бесчестен и преступник <...> Потом Робеспьера казнили за то, что он был деспот. Кто прав, кто виноват? Никто. А жив – и живи: завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад» (5, 34). Соприкосновение с историей совершается не в авторском тексте, а в сознании персонажа. А для героев Толстого все исторические события не закономерны, а случайны.

Однако в цельном мире «книги» исторические факты, которые при всей своей удаленности и незначительности необходимы для проникновения в «душевную жизнь» персонажей, обретают фиксированное положение в структуре произведения. «Течение жизни» передается в судьбах людей, изображаемых Толстым, осмысление происходящего – в «философских» главах. Между ними – главы исторические, поставляющие материал для философии случая<sup>10</sup>. значение исторического факта в его системе репрезентаций уже иное, нежели у Пушкина. На смену строгому сцеплению тщательно подобранных фактов приходит безграничный набор случайностей. Толстой говорил А. В. Жиркевичу: «В «Войне и мире» отдельные лица ничего не значат перед стихийно-

---

<sup>9</sup> Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма. Т. 7. С. 87.

<sup>10</sup> Логическим завершением разделения «вымысла» и «истории» стало издание 1873 г., которым Толстой остался недоволен по причине исчезновения «бесконечного лабиринта сцеплений» (62, 269). См.: Бабаев Э. Г. О единстве и уникальности «Войны и мира» // Яснополянский сборник 1988. Тула: Приокское кн. изд-во, 1988. С. 67-84.

стью событий». Но ничего не значат и отдельные события; изображение жизни как она есть потому и производит в эпопее столь ошеломляющее впечатление, что невозможно не поддаться очарованию исходной установки — «заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» (из письма П. Д. Боборыкину; 61, 100).

В романах Толстого, по словам Г. С. Морсона, «фундаментальное состояние мира — хаос, и <...> хотя порядок может существовать, но он не обязательно существует <...> Наиболее важные события в истории, культуре и духовной жизни — самые обычные и прозаические, которых мы не замечаем именно по причине обыденности»<sup>11</sup>. В «Войне и мире» система «прозаических» ценностей спроецирована на исторический материал; таким образом раскрывается подлинная «случайность» исторических фактов и подлинное содержание «малых величин»; ибо прозаические события имеют глубокий смысл, в то время как необязательность событий «героических» демонстрируется при каждом удобном случае.

Возвращения к историческому материалу в прозе Толстого дают возможность проанализировать постепенное изменение системы исторических репрезентаций, внесение в них этического аспекта. Неправедная история полностью вычеркивается в легендах и сказках последних лет. Мифологический аспект истории по Толстому очень точно охарактеризован Ю. М. Лотманом: «В сюжете («Посмертных записок Федора Кузмича». — А. С.) отсутствует конкретное преступление, которое заменено осознанием преступности всей жизни как таковой, как часто в мифологических и мифо-сказочных текстах реальная смерть заменена подменной»<sup>12</sup>. В данном случае «вся жизнь» означает «жизнь историческая». И эта жизнь мифологизируется Толстым. По большому счету, совершенно неважно, был ли Федор Кузмич Александром I, или нет. В истории всё случайно, хаотично и в конечном счете — бесполезно. И потому Толстой, начавший с представления об истории как последовательности случаев, приходит к утверждению незтичности этой последовательности и к объяснению вреда «исторического» в системе этических категорий.

Позднейшая эволюция реализованной Толстым модели прослежена в четвертом разделе «История "вслед Толстому"». Популярными романистами 1870—1900-х гг. (особенно те, кто «прямо» следует за Тол-

---

<sup>11</sup> Morson Gary Saul. Prosaics in "Anna Karenina" // Tolstoy Studies Journal. New York; Toronto. 1988. Vol. I. P. 1-2.

<sup>12</sup> Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 338.

стым, как Е. А. Салиас) описывают хаотичную цепь событий, «случаев», что подчеркивается заглавиями их произведений. Первый исторический роман Салиаса «Пугачевцы» (1874) показался современникам поистине многообещающим: романист предлагал как бы синтез пушкинской темы и толстовских историософских концепций для массового читателя<sup>13</sup>. Салиас анализирует пугачевское восстание «изнутри», пытаясь реконструировать диалектику души, исторические аналогии для него роли не играют. Текст огромного романа (как и у Толстого, в 4-х томах) разделен на главы «психологические» и «исторические», в которых присутствуют философские преамбулы или заключения. Каждая часть открывается сопоставлением непреходящих природных катаклизмов и преходящих человеческих бедствий (море людское, степь на ветру, ураган и прочее). Анализ психологии героев в романе крайне примитивен. Тратовка сюжета многое объясняет в необычайном успехе автора. Романист предлагает «случаи» яркие, сохраняющие притягательность при всем их неправдоподобии. Скажем, непоследовательность в поведении Пугачева Салиас объясняет наличием двух самозванцев – доброго и злого. И сюжет строится так, что читатели наблюдают последовательно за обоими героями и обнаруживают абсолютную неспособность исторических лиц направлять события. Все герои Салиаса «плывут по течению» и совершают поступки «неведомо почему». Внешняя непоследовательность может получать условное сюжетное объяснение, но никаких попыток осмыслить происходящее автор и герои не предпринимают – да они и невозможны в силу отсутствия какой-либо логики в истории. Ограниченность подобной модели демонстрируются следующие сочинения Салиаса – роман «На Москве», повесть «Былые гусары» и др.

Литература выполняет лишь иллюстративную функцию, более или менее подробно и убедительно живописуя эффектные эпизоды с минимальным комментарием. Причины читательского успеха такого подхода заслуживают подробного анализа, как и различные опыты адаптации представления о случайности истории в рамках иных жанров. Интересны и попытки соединить пушкинскую модель (история-факт) с толстовской (история-случай) – например, в творчестве Г. П. Данилевского. В его лучших романах моральные суждения относятся к области вымысла, они делаются с оглядкой на современность – и только завершают картину исторической случайности. Рома-

---

<sup>13</sup> Введенский Арс. Гр. Е. А. Салиас-де-Турнемир // Исторический вестник. 1890. № 5.

нист характеризует все обстоятельства, уклоняясь от прямых оценок, передоверяя их вымышленным героям.

Расцвет коммерческой исторической беллетристики в конце 1870-х гг. объясняется не прямым влиянием Толстого, а успехом Салиаса. Именно в этом причина повышенного интереса к истории XVIII в. – века «случая». Среди множества книг трудно отыскать хоть сколько-нибудь оригинальные. В каждой из них историю творит случай, прошлое необъяснимо, а рассказ о нем сводится к перечислению случаев – занимательных, экстравагантных или запоминающихся. Естественно, это приводит к отказу от прямолинейной тенденциозности, от фантастического вымысла и от психологической достоверности. Романист не занимается смыслом истории и закономерностями поведения человека; он заранее убежден в отсутствии таковых. Поэтому книги А. П. Павлова, А. Шардина (П. Н. Сухонина), А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина–Несвицкого и многих других выходят, вероятно, за рамки жанра. Подобные романы не являются историческими, поскольку одной из основных их черт является осовременивание событий и психологии героев. Исторический факт сменяется внеисторическим случаем, который может иметь место где и когда угодно. Архетипические события повторяются раз за разом, ничего нового в них нет, только герои и злодеи получают новые имена.

Репрезентация истории как случая никогда не вытесняет из исторической литературы и фактографическую составляющую. Этому посвящен пятый раздел главы *«Существование факта и случая»*. Исторический факт может получить и самооценное описание, не связанное напрямую с концепцией случайности. Это свойственно профессиональным историкам, для которых исторический факт оказывался интересен по роду занятий. Художественные произведения Н. И. Костомарова, Е. П. Карновича, в меньшей степени – П. В. Полежаева демонстрируют, каким образом приемы научного описания исторических фактов получают художественное оформление. В книгах Карновича нет вымышленных персонажей; описание событий базируется на документах, автор не прибегает к домысливанию и всячески дистанцируется от происходящего. Как писал редактор собрания сочинений Карновича в 1904 г., «несомненно, что рассказы такого рода, не искажая исторической истины, дают возможность русской публике ознакомиться с событиями, а также духом и жизнью того времени, к которому они относятся»<sup>14</sup>. Нет ничего удиви-

---

<sup>14</sup> Цит. по: Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России; Самозванные дети. М.: Планета, 1993. С. 201.

тельного и в творческом пути Карновича: начав с исторических очерков, он обратился к очеркам научно-популярным, параллельно с которыми в конце жизни работал над романами и повестями. Потому и тематика, и модель построения сюжетов в художественных и нехудожественных текстах остается общей. Кажется, очень сложно провести границу между популярным исследованием и популярным рассказом – особенно, если история интересует автора только как документированная последовательность событий. На деле книги Карновича представляют несколько больший интерес. Обращаясь к истории XVIII в. (только в романе «На высоте и на доле» действие происходит в XVII в.), он не увлекается нагромождением интриг, ограничиваясь теми, которые известны из дипломатических источников. Верность документам нигде не переходит у Карновича в натурализм; бытовые подробности развиваются в отдельных экскурсах. В этих случаях автор освобождается от давления документов, решаясь даже на собственные выводы и обобщения. Последние книги Карновича «Переполюх в Петербурге» и «Пагуба» (обе 1887) строятся иначе; романист стремится внести в описание исторических случайностей новые элементы и намечает варианты развития существующей схемы.

Схема «документально-исторического романа» получает развитие в авантюрной прозе М. Н. Волконского, в романах-хрониках Л. Г. Жданова, у других авторов. Исторические факты вызывают всё больший читательский интерес, научная литература выходит за пределы узкого круга исследователей, а это приводит к распространению научно-популярных и художественных текстов, отрабатывающих фактографические установки. Однако основу художественного описания прошлого составляют факты или случаи. Но возможен и иной путь – путь признания самостоятельной ценности исторического познания, не ограниченного рамками тенденциозных схем, свободного от сомнений в иллюзорности минувшего и от ограниченности скупого перечня фактов.

Именно к этому типу репрезентационных техник мы обращаемся в четвертой главе **«История как вневременной опыт»**. Здесь рассматриваются произведения, в которых история предстает не средством, а самоценным объектом эстетического постижения. В системе художественных ценностей опыт прошлого занимает определенное место далеко не сразу. Уже в конце 1820-х гг. отдельные авторы пытаются создать художественные описания «смысла истории», отыскать в истории вневременные свойства, позволяющие связать прошлое, настоящее и будущее в единую последовательность, которую можно охарактеризовать и рассмотреть как целое. Таковы исторические сочинения Н. А. Полевого и И. И. Лажечникова.

В первом разделе *«Нравственные критерии в системе исторических представлений Н. А. Полевого»* рассмотрен весь корпус исторической прозы плодovitого автора. Началом работы Полевого в области художественного описания истории были *«Повести Ивана Гудошника»* (1826—1835), которые связаны с романом *«Клятва при гробе Господнем»* (1832) и тематически, и образами рассказчика и главного героя. Повести составляют пролог ко всем последующим историческим построениям Полевого. На последнем этапе развития нравственно-утопической формы репрезентации истории в 1840-е гг. Полевой пытается воплотить давно задуманный цикл *«Византийские легенды»*. Единственным завершенным произведением в нем стал роман *«Иоанн Цимисхий»* (1841). Этими произведениями и ограничивается круг художественных текстов Полевого на исторические темы. *«История русского народа»* (1829—1833) очень важна в эволюции его воззрений, но для ее изучения очень мало сделано даже исторической наукой. Поздние научно-популярные произведения гораздо теснее связаны с художественной прозой писателя; в них Полевой пытается развить (не всегда удачно) мысли, возникшие в период работы над историческими романами.

Идея прогресса России, основанная на моральных критериях, не имеет в художественных текстах Полевого самодовлеющего характера. Основной принцип репрезентации истории прост и однозначен, но сама система исторических представлений оказывается динамичной. В предисловии к *«Клятве при гробе Господнем»* есть такая фраза: *«Вещественно — она <Русь> всё кончила; умственно — только всё начала и ничего еще не кончила... Умственное образование состоит в полном развитии внутренних сил, внутреннего духа. Такого полного развития у нас еще нет»*<sup>15</sup>. В основу художественного описания истории у Полевого положено не материальное, а духовное процветание России. Путь к нему писатель ищет в разных сферах: человек и природа (повести), человек и общество (*«Клятва...»*), человек и мудрость (*«Иоанн Цимисхий»*). Но во всех случаях ответ не слишком утешителен для людей, которые не способны приблизиться к идеалу.

Полевой занялся поиском в истории критериев и свойств, которые могли бы приблизить человека к этому идеалу. При этом занимала его не личность, а весь народ, о чем сказано в *«Истории русского народа»*: *«Я, вследствие основной мысли, главы Истории делил не княжениями, но событиями»*<sup>16</sup>. Постепенное прояснение нравственных критериев в

---

<sup>15</sup> Полевой Н. А. Клятва при Гробе Господнем. М.: Современник, 1995. С. 6.

<sup>16</sup> Полевой Н. А. История русского народа: В 3 т. М.: Вече, 1997. Т. 1. С. 34.

истории и сущности их возможного изменения в будущем составляет основу системы исторических представлений Полевого. Их круг ограничен, но трансформации бесконечны – до самого конца истории. Человек, воспринятый как часть народа и истории, должен органически воспринять эти общие постулаты и сделать их основой своей личной жизни. Когда все события и поступки будут определяться этой развернутой (хотя и не вполне законченной) причинно-следственной системой, необходимость в истории как процессе отпадет.

Полевой нашел опору для осмысления исторических коллизий в последовательности событий, Лажечников – в человеческой психологии. Во втором разделе *«Нравственность и история в художественном мире И. И. Лажечникова»* рассматриваются сочинения писателя, занявшего совершенно особое место в русской прозе. Мы склонны определить манеру романиста как психологический историзм. Личностные, духовные начала у Лажечникова доминируют над событийно-историческими, «внешними». Одним из выражений этого стало очевидное (даже по сравнению с Зотовым) искажение реальных фактов в пользу нравственно-психологических концепций. Автор не уклонялся от обвинений в этом<sup>17</sup>, он старался сохранить «историческую верность главных лиц романа, сколько позволяло <...> поэтическое создание; ибо в историческом романе истина всегда должна, должна уступить поэзии, если та мешает этой. Это аксиома»<sup>18</sup>. Если современники, в том числе Пушкин, критиковали романиста достаточно мягко, отчасти воспринимая его доводы, то потомкам подобные искажения показались едва ли не кощунственными: «Для Лажечникова ничего не стоило сочинять свои собственные исторические факты»<sup>19</sup>.

Патриотизм, действующий как всеобщая побудительная сила в моменты общенациональной угрозы (это показано в первом романе Лажечникова *«Последний Новик»*, 1833), в период внутригосударственной борьбы не является основой действий героев. В романе *«Ледяной дом»* (1835) лишь заговорщики исходят из «патриотических» суждений, причем и в линии заговора они во многом остаются декларативными. Более глубокие личные чувствования объясняют поведение героев – как вымышленных, так и реальных. Автор исследует мир в эпо-

---

<sup>17</sup> О полемике с Пушкиным по этому вопросу см.: *Благой Д. Д.* Первый исторический роман Лажечникова // *Лажечников И. И. Последний Новик.* М.: Правда, 1983. С. 545–547.

<sup>18</sup> *Русский архив.* 1880. Кн. 3. С. 461.

<sup>19</sup> *Скабичевский А. М.* Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // *Скабичевский А. М. Сочинения.* Т. II. СПб., 1890. Стлб. 734.



ху, когда внешнее оформление народности сменяется внутренней борьбой. История оказывается враждебной нравственной личности, она навязывает этой личности ту модель поведения, которая может быть оправдана только крайностями борьбы за независимость государства. В иные периоды исторической жизни человеком должны управлять побуждения, исходящие из его собственных духовных потребностей. Их формирование и описывается в «Ледяном доме». Отсутствие идеализации характеров и неоднотонность произведения обеспечили роману значительный успех.

В «Басурмане» (1838) нравственные основания человеческих действий, не зависящие от времени, которые оставались на втором плане при освещении политически злободневных конфликтов, обрели концептуальное воплощение. Система художественного описания истории получила гармоничное оформление в романе о Руси XV в. Исторические лица, выведенные в «Басурмане», не равны себе, но и не являются только носителями моральных сентенций, как в нравственно-исторических утопиях того времени. Используя хронологическую канву истории, романист следует в то же время своим представлениям о ее ходе и о роли человека в ней. История несправедлива, изживание ее отрицательных сторон ведет к утопии – такой вывод можно сделать вслед за автором.

Это объясняет переход Лажечникова к современному материалу; преодоление разрыва между прошлым и настоящим стало возможным только после осмысления вневременной составляющей исторических концепций. В романе «Беленькие, черненькие и серенькие» и другие интерес к современной жизни «был гуманного и гражданского, а не художественного свойства»<sup>20</sup>. Идеализированное представление о прошлом в первых романах Лажечникова было выстроено в соответствии с нормами истории и литературы. В позднейших романах писатель апеллирует к проблемам современности и меняет систему описания событий в историческом времени. На первый план выходит обозначенная в «Басурмане» проблема борьбы просвещения с невежеством и связанная с ней проблема воспитания. Только носитель моральных идеалов может дать необходимый навык их применения. От воспитания зависят все черты характера и поступки героя. В «Беленьких, черненьких и сереньких» (1856) автор изображает современность как историю, воссоздавая события собственной жизни. Разумеется, герой не идеализирован, но он – воспитуемый, получающий идеалы из жиз-

---

<sup>20</sup> Нелюбов Л. И. И. Лажечников // Русский вестник. 1869. № 9. С. 593.

ни и познающий моральные нормы при столкновении с ними. Роман потому и не окончен, что результаты воспитания автор мог показать лишь частично и на примере второстепенных героев («Соляной пристав и его дочь»). Дистанция была необходима для всестороннего освещения тех норм, которые стали основой над-исторической системы художественных построений.

Свои методы репрезентации истории Полевой и Лажечников разрабатывали с «утопическим» акцентом, так как исходили из «линейной концепции исторического времени»<sup>21</sup>, из понимания истории как процесса, направление которого определяется движением к постоянно совершающейся выработке важнейших моральных критериев, с всеобщим постижением которых наступит «золотой век». Эти попытки были во многом случайны и не всегда удачны.

В третьем разделе рассматриваются «*"Квазиисторические" построения в беллетристике 1870—1900-х годов*», когда роль исторических произведений в литературном процессе вновь возрастает. Этому способствовали рост интереса к истории, развитие исторической науки, расширение слоя образованных (и «полуобразованных») читателей. Но из всего этого следует не только новый расцвет исторических жанров, но и изменение отношения к истории в целом. Литература теперь не просто использует исторические имена или факты в тех или иных целях. Прошлое интересно как часть временной последовательности. Оно перестает быть посредником между некой отвлеченной доктриной и читательской массой, оно занимает место в начале цепи. На смену схеме *тенденция (вымысел) – история – исторический жанр* и упрощенной схеме *исторический факт – исторический жанр* приходит новая схема, в которой история посредством ряда дополнительных факторов увязывается с опытом настоящего, не утрачивая самостоятельной ценности и приобретая новую ценность в связи с настоящим. И трансформация литературной телеологии ведет к распространению той формы репрезентации истории в художественном тексте, о которой шла речь выше. В творчестве Вс. С. Соловьева и Д. Л. Мордовцева раскрываются особенности данного типа репрезентации вневременного опыта, обнаруживаемого в прошлом и получающего завершенное художественное оформление в циклах романов. Эти авторы проделали один и тот же путь: от тенденциозных построений на историческом материале к созданию взаимосвязанных текстов,

---

<sup>21</sup> См. об этом: *Строганов М. В.* Человек в русской литературе первой половины XIX века. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 34—44.

посвященных «связи времен», а затем — к популяризации истории, к установлению связей между прошлым и настоящим, очевидных для «среднего» читателя, и к построению непротиворечивой картины, включающей и опыт прошлого, и факты настоящего.

Определение этой репрезентационной технике дал один из романистов — Д. Л. Мордовцев, неоднократно (особенно в 1880-х гг.) сопровождавший свои произведения подзаголовком «Una novella quasi historica». Квазиистория — литературная реконструкция истории — в какой-то момент оказалась очень важна. Мордовцев выражает общую тенденцию русской исторической беллетристики XIX в. Он не занимается умножением литературных вымыслов, не сводит историю к этим вымыслам. В историческом прошлом он ищет то, что можно выразить только художественными средствами. Уроки истории доступны только при прочтении событий прошлого сквозь призму эстетического опыта настоящего.

Начинал Мордовцев более или менее традиционно: с интерпретации исторических доктрин Костомарова и его школы, с беллетризации результатов собственных исторических исследований. Но в начале 1880-х гг. Мордовцев переходит от тенденциозного видения истории к специфически литературному. Размах «романов-коллажей» Мордовцева не мог не удивлять. А в конце 1880-х гг. романист существенно расширяет тематический и временной диапазон своих сочинений: в поле его зрения попадает вся мировая история. Параллельно усиливаются связи между различными произведениями, новые книги включаются в своеобразный мегацикл. Отдельные эпизоды, цитаты из классических литературных текстов, сравнения с литературными и мифологическими персонажами, переходящие из одного произведения в другое, становятся связующими звеньями в единой исторической цепи. Отсылки к Священной истории в ранних романах проясняются в поздних, в которых сами библейские события репрезентируются в рамках исторического жанра. Книги же о древнем Египте написаны как пролог, как предвосхищение разворачивающейся сакральной истории человечества. Рассматривая романы Мордовцева о Петре I «Идеалисты и реалисты», «Царь и гетман», «Державный плотник» (1870—1890-е), мы не только анализируем творческую эволюцию автора, но и раскрываем сущность квазиисторических построений и возможности их дальнейшего развития.

У Мордовцева история воспринимается в контексте духовной и светской литературы; все события древней и новой истории сравниваются с некими эталонными деяниями, знакомыми всем читателям. Романист не завершает свой цикл (это вряд ли в человеческих силах), но окончательно

но оформляет все взаимосвязи внутри него. В данном случае позволено говорить о новой форме репрезентации истории в беллетристике.

В 1880-е гг. подход к истории как источнику вневременного опыта занимает всё более устойчивое положение в литературе. В следующем разделе «*Варианты адаптации “квазиисторической” модели*» на примере литературы для детей и юношества (М. А. Филиппов, сочинения для юношества Д. Л. Мордовцева) раскрывается потенциал различных литературных формализаций «уроков истории». Установка на популяризацию исторических данных очевидна, но она не объясняет все особенности репрезентации материала. Романист отказывается от тенденциозного выбора «героев», без пиетета относится к выводам исторической науки – для него важнее всего урок, который история дает современности. Неудивительно, что популярный роман оборачивается проекцией прошлого в настоящее.

В других сочинениях для детей репрезентация истории тоже совершается в соответствии с установкой на «историческое чтение». В детских исторических произведениях педагогическая составляющая чаще всего утрируется. И из истории извлекается некий урок, доступный детскому восприятию и сохраняющий свою ценность для читателей другой эпохи. В этой «исторической педагогике» героем очень часто становится не просто исторический персонаж, а персонаж, близкий юным читателям по возрасту – и притом персонаж читающий (Д. С. Дмитриев, Г. Т. Северцев-Полилов и другие авторы).

Ценность исторических фактов в сочинениях Л. Чарской, С. Макаровой, Н. Северина не подвергается сомнению; но в основу художественной репрезентации истории может быть положен лишь опыт прошлого, значение которого очевидно во все времена. А без подобного осмысления прошлого художественная репрезентация настоящего ущербна. В романе Макаровой «Грозная туча» (1888) представлена мозаика прихотливо сменяющих друг друга исторических эпизодов. При этом патриотическая идея не выносится на первый план; французы изображены с той же симпатией, что и русские. Вымышленные персонажи на равных правах сосуществуют с историческими; в романе для юношества этому способствует общая интонация повествования. Ведь книга представляет собой ряд экскурсов в историю народа. В композиции романа реализуется стремление автора рассказать «обо всем», отыскать в истории что-то интересное для всех читателей. Здесь опять на помощь приходит литература. Как и «Двенадцатый год» Мордовцева, роман Макаровой населен героями-литераторами, на его страницах появляются Гнедич, Крылов, Батюшков, Милонов, рассуждающие о могуществе слова.

Пятый раздел посвящен *«Репрезентациям исторического опыта в литературе начала XX века»*. Неразрывная связь времен обретает глубокий смысл и за пределами исторической прозы – в творчестве А. П. Чехова, в стилизациях символистов и акмеистов. Отталкиваясь от более или менее точных исторических представлений, авторы всё чаще признают ценность прошлого, без которого художественная репрезентация настоящего оказывается ущербной. История дает читателю эстетический опыт, необходимый для приобщения к миру вечных ценностей. Художественное представление истории становится своего рода «замком» в причудливых построениях авторов рубежа веков. Так в романе «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1916) М. А. Кузмин не увлекается воспроизведением занимательных фактов, но и не сводит судьбу Калиостро к примитивным тенденциозным построениям (хотя к тому есть все предпосылки). Кузмин подводит читателей к единственно возможному выводу, связанному с эстетическими установками изображаемой эпохи и имеющему непреходящее значение: «А у него был путь, была миссия. Ведь не в том смысл его жизни, чтобы дать пример школьникам или исцелить несколько тысяч больных <...> Вместо блестящей звезды взлетела ракета и теперь дымится, медленно угасая на земле»<sup>22</sup>. История, таким образом, обладает огромной эстетической ценностью и позволяет преодолеть временной барьер. Столь же занимательны исторические стилизации других авторов «серебряного века», в первую очередь Б. А. Садовского как автору проекта воссоздания «литературной истории», который для самого писателя был гораздо важнее опытов имитации «дворянского стиля». Эстетическая доминанта в системе исторических ценностей у Садовского очевидна. И в пантеоне героических персонажей центральное место занимает писатель, к творчеству которого Садовской обращается в самых разных жанрах, – А. А. Фет. В литературной аксиологии историческая составляющая после многих трансформаций занимает очень высокое место; художественное видение связи времен становится неизбежным в квазиисторических произведениях – место истории занимает литература, основанная на преклонении перед опытом истории, опытом обретения вечных ценностей. И литература XIX в. позволяет в полной мере оценить сложность художественного описания исторических коллизий. Итогом долгого пути становится признание эстетической составляющей истории и утверждение системы квазиисторических ценностей в литературе.

---

<sup>22</sup> Кузмин М. А. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1990. С. 478–479.

В **Заключении** подводятся итоги работы, делается попытка представить эволюцию литературной аксиологии и схематически определить взаимосвязи основных форм репрезентации истории в литературе.

Предпринятое исследование позволяет осмыслить закономерности функционирования исторического материала в художественных текстах. Непреодолимых преград между классиками и беллетристами не существует; исторические сочинения Пушкина, Гоголя, Л. Толстого могут рассматриваться в ряду менее заметных произведений, что позволяет определить общие типологические черты репрезентационных техник, к которым прибегают литераторы. Постижение истории осуществляется в литературе постепенно; здесь обнаруживается много экспериментальных приемов, много стандартных. Но во всех случаях принципы художественного воплощения исторических коллизий можно определить только в том случае, если мы рассматриваем литературную ситуацию в целом, а не отдельные тексты, связанные между собой.

Основные формы репрезентации истории заложены уже в литературе начала XIX в. На протяжении столетия они постепенно трансформируются. Как мы видели, всё более возрастала формульность художественных описаний истории во всех литературных жанрах. В лирике и драме обнаруживается тенденция к беллетризации истории. И большинство авторов исторических сочинений – беспорные беллетристы.

«Легкость пера» ставили беллетристам в вину, объем сочинений казался важнее содержания. Как ни странно, упреки, адресованные историкам-беллетристам, повторяются и сейчас: «Беллетризация выступает причиной и следствием упрощения писательской задачи»<sup>23</sup>. Беллетристический элемент, свойственный книгам писателей-историков, независимо от жанровой принадлежности, якобы их портит. Но историческая беллетристика — не иллюстрация к истории, не научное пособие и, вероятно, не просто фантазия. Здесь слово *квази-история* кажется незаменимым. Когда в историческом повествовании меняется система ценностей, когда история обретает самостоятельную ценность, независимую от внешних воздействий, меняется и взгляд на формулы исторических описаний. Можно объявить беллетристику промежуточным звеном между классической и массовой литературой и относить к ней тексты, приемлемые для интеллигентного читателя, но не входящие в классический канон<sup>24</sup>. Можно назвать беллетристи-

---

<sup>23</sup> Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев: саратовские страницы жизни и творчества. С. 6.

<sup>24</sup> Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2000. С. 128.

кой развлекательную литературу, лишенную учительного пафоса<sup>25</sup>. Но все эти определения основываются на внешних критериях. Ни восприятие литературы читателем, ни (тем более) оценка ее качества, ни интерпретация авторской задачи не способствуют разграничению беллетристики и классики.

Сочинения Зотова, Салиаса, Полевого, Лажечникова, Данилевского, Мордовцева и других — бесспорная беллетристика, сочетающая развлечение с поучением. Но читатель этих книг знает не только основные исторические факты, он обладает достаточной эрудицией, чтобы разгадывать намеки на литературные произведения и цитаты из них. Широкий литературный кругозор читателя необходим беллетристу, постоянно применяющему метод литературных и мифологических аналогий. Доступность его труда обусловлена кругом чтения потребителей исторической прозы. Этот канон сложился уже к концу 1870-х гг. Мордовцев и Данилевский этот канон во многом разрушают, но не выходят за рамки беллетристики. Беллетрист — человек «печатного слова», он мыслит уже готовыми литературными формулами. Беллетристические произведения различаются по качеству, по аудитории, по эстетическим установкам, но они основаны (в отличие от классических) на использовании формул. Беллетрист мыслит формулами, классик их создает. Поэтому роль сюжетных формул в квазиисторической беллетристике так велика.

Тем самым получает объяснение формализация исторических жанров; всё многообразие репрезентаций истории возможно свести к нескольким продуктивным формам, которые можно разделить на две группы: исторический материал является либо основой, либо посредником. И постепенное осознание ценности истории, связи времен может быть оформлено схематически. В данном случае мы можем вписать систему репрезентаций истории в рамки литературной аксиологии. Место истории в системе эстетических ценностей постепенно меняется. Первоначально история — только средство для воспроизведения схем идеологических или сюжетных: *тенденция / сказка — история — художественное представление*. Но примитивность этой схемы оказывается самоочевидной; и потому история включается в систему репрезентаций по-иному: *факт / случай / история — художественный текст*. Однако выбор между фактом и случаем, виртуозно осуществляемый в пушкинской прозе, невозможен при сколько-нибудь поверхностном рассмотрении материала. Использовать две вариативных системы в рамках одного текста слишком сложно; потому в системе цен-

---

<sup>25</sup> Григорьев Д. Попытка масскультуры // Абзац. Тверь; Москва, 2006. С. 162.

ностей исторической литературы возникает иное, более гармоничное построение: *факт/ случай – история – художественное воплощение*. Однако в дальнейшем происходит решительное изменение аксиологической системы. История становится не средством, а основным содержанием художественного текста. Формируется особая структура исторической литературы, в которой опыт минувшего логически связан с опытом настоящего и будущего, а связь времен оказывается не декларацией, а реальной составляющей реконструкции времени: «в нарративе (историческом, литературном или повседневно-бытовом) каждое событие значимо, поскольку отсылает к иным, позднейшим событиям»<sup>26</sup>. У Полевого эта система существует в следующей форме: *история – социальные науки – художественный текст*, у Лажечникова место социальных наук занимает психология, у Мордовцева – искусство. В упрощенной форме данного типа исторических построений исключается среднее звено, но единство истории и литературы остается неизбежным, и хотя непосредственный переход от истории к морали примитивен, но подчеркивает изменившееся положение истории в системе художественных ценностей.

Повышение роли художественного осмысления истории способствует «творческому самораскрытию во времени человеческого содержания»<sup>27</sup>, в чем и состоит смысл истории для литературы. Исследовав пути этого самораскрытия и формы репрезентации истории в литературе, мы пытались воссоздать картину взаимоотношений истории и литературы в русской прозе XIX в. Наши выводы позволяют поставить вопрос о создании словаря исторических сюжетов русской литературы и по-новому рассмотреть вопросы исторической поэтики. Прделанная работа дает представление о роли репрезентаций истории в литературном процессе, о формировании исторического сознания и о том, как прошлое из удаленной сферы превратилось в составляющую часть художественно осмысленной временной последовательности.

---

<sup>26</sup> Зенкин С. Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 530.

<sup>27</sup> Исупов К. Г. Философия и эстетика истории в русской литературе XIX века // Литература и история. Вып. 2. СПб.: Наука, 1997. С. 142.



**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

1. Мотивировка в русском историческом романе 1830–1840-х гг. Учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. 120 с. (7,25 п. л.)
2. Квазиисторический роман в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев. Тверь: Марина, 2007. 224 с. (14 п. л.)
3. Книги о провинции и провинциальные книги: Абашев В. В. Пермь как текст... [История Перми в литературе и культуре XIX-XX вв.] // Новое литературное обозрение. № 6 (46). 2000. С. 318–320. (0,6 п. л.)
4. Научно-практическая конференция «Мир, называемый Львовым...» / Сорочан А., Строганов М. // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 434–436 (в соавторстве с М. В. Строгановым) (0,6 п. л.)
5. 20 томов и XVIII Фетовские чтения [Проза и публицистика в собрании сочинений А. А. Фета] // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 432–434 (0,6 п. л.)
6. Tolstoy Studies Journal / Сорочан А., Строганов М. // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 412–423 (в соавторстве с М. В. Строгановым) (2 п. л.)
7. [Рец.:] Rancour-Laferriere, Danielle. Tolstoy on the Couch. NY., 1998 // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 411–413 (0,5 п. л.)
8. Фрагменты мифа [Судьба А. И. Полежаева – историческая и литературная] // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 471–473 (0,7 п. л.)
9. [Рец.:] A new word on “The Brothers Karamazov” / Ed. by R. L. Jackson. Evanston, Illinois: Northwestern university press, 2004 // Новое литературное обозрение. № 79 (3’2006). С. 397–399 (подписано Е. Сорочан). (0,5 п. л.)
10. Сказочная мотивировка в поэмах Радищева // А. Н. Радищев. Исследования и комментарии. Тверь: ТвГУ, 2001. С. 62–65. (0,25 п. л.)
11. Три образа правды (из комментария к «Евгению Онегину») // Историко-литературный сборник. Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 20–26. (0,4 п. л.)
12. А. М. Смирнов-Кутаческий. Эпический сказ в «Войне и мире» (публикация, вступительная заметка и примечания) // «Война и мир» Л. Н. Толстого: Жизнь книги. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 156–163. (0,5 п. л.)
13. «Москвич» Белинский, или Варсонофий Наянов как зеркало русской критики // Историко-литературный сборник. Вып. 3. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 76–82 (0,5 п. л.)

14. Блаватская Е. П.; Загоскин М. Н.; Лажечников И. И. // Эстетические отношения искусства и действительности: учебное пособие. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 33–35, 71–72, 82–83. (0,5 п. л.)
15. Государственный миф петровской эпохи в последнем романе М. Н. Загоскина // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 320–326. (0,4 п. л.)
16. Н.А. Львов – историк и текстолог (републикация, вступительная заметка и примечания) // Гений вкуса. Вып. 3. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 126–135. (0,6 п. л.)
17. Экологическая проблематика в малой прозе Г. П. Данилевского // Дары природы и плоды цивилизации. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 57–62. (0,3 п. л.)
18. «Не изменить своей идее» (Заметки об историзме критики А. А. Фета) // А. А. Фет и русская литература. XVII Фетовские чтения. Курск: КГУ, 2003. С. 122–127. (0,3 п. л.)
19. В. И. Даль и А. Ф. Вельтман: из истории творческих взаимоотношений // В. И. Даль – писатель и этнограф. Торжок: ВИЭМ, 2003. С. 84–92. (0,6 п. л.)
20. Латынь; Ода; Поэма; Сатира; Сатирик; Фортуна; Эклога; Эпиграф // Онегинская энциклопедия. Т. 2. М.: Русский путь, 2004. С. 21–22, 210–212, 333–335, 463–465, 653–654, 751, 756–757 (в соавторстве с М. В. Строгановым). (3 п. л.)
21. Добро и зло в системе художественных мотивировок И. И. Лажечникова // Дом Лажечникова. Выпуск 1. Коломна: КГПИ, 2004. С. 155–165. (1 п. л.)
22. Статьи Фета в контексте истории русской критики // XVIII Фетовские чтения. Курск: КГУ, 2004. С. 177–183. (0,5 п. л.)
23. Русско-турецкая война: историко-литературные комментарии // Человек и война в русской литературе XIX–XX вв. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 63–72 (0,6 п. л.).
24. Читатель в гостях у писателя (Визит Г. П. Данилевского в Ясную Поляну: тема и вариации) // О литературе, писателях и читателях. Вып. 2. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 86–92 (0,5 п. л.).
25. Три «столицы» в прозе И. И. Лажечникова // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. Курск: КГУ, 2005. С. 31–38. (0,5 п. л.)
26. Тверская история в романах И. И. Лажечникова // Лажечников и Тверской край. Тверь: Марина, 2005. С. 35–47. (0,75 п. л.)
27. [Вступительная заметка, публикация, примечания]: Dubia // Лажечников и Тверской край. Тверь: Марина, 2005. С. 185–194 (0,6 п. л.).

28. [Публикация, примечания]: А. К. Жизневский. Мои воспоминания о И. И. Лажечникове. Приложение: Письма И. И. Лажечникова к А. К. Жизневскому // Лажечников и Тверской край. Тверь: Марина, 2005. С. 195–231 (2,2 п. л.).

29. В. Р. Зотов как интерпретатор истории русской классики // Русская классика: проблемы интерпретации. Липецк: ЛГПИ, 2006. С. 86–91 (0,3 п. л.).

30. Фет А. А. Критика // Фет А. А. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Курск; СПб.: Фолио, 2006 (подготовка текста, комментарии в соавторстве с М. В. Строгановым). С. 157–325, 415–516 (16,5 п. л.).

31. А. И. Герцен и М. Н. Загоскин // Герценовские чтения. Тверь: Альфа-пресс, 2006. С. 38–44 (0,4 п. л.).

32. От «Святочных рассказов» к «Повести о Буслае-Новгородце»: первая историческая повесть Н. А. Полевого // Историко-литературный сборник. Выпуск 4. Тверь: Золотая буква, 2006. С. 108–113 (0,3 п. л.).

33. Новое открытие Вселенной, или Несколько провинциальных сюжетов // Пространство культуры и стратегии исследования. Курск: Курский государственный университет, 2006. С. 10–17 (0,5 п. л.).

34. Тверское окружение Лажечникова: материалы к указателю имен // Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции. Тверь: Марина, 2006. С. 151–173 (1,4 п. л.).

35. И. И. Лажечников: литератор и администратор // Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции. Тверь: Марина, 2006. С. 174–182 (0,5 п. л.).

36. И снова Эрастов... (еще о литературной позиции М. Н. Загоскина) // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы. Липецк, 2006. С. 77–82 (0,4 п. л.).

37. От осуждения к обсуждению: Репрезентации декабристской идеологии в русской исторической беллетристике XIX века // Литература и человек (Писатели, читатели, филологи). Тверь: Марина, 2007. С. 58–64 (0,4 п. л.).

38. Русская литература // Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: РОСМЭН, 2007. С. 410–417 (в соавторстве с М. В. Строгановым) (1,2 п. л.).

39. Теория литературы // Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: РОСМЭН, 2007. С. 472–474 (0,7 п. л.).

40. Чехов и тайны Египта // «Звук лопнувшей струны». Перечитывая «Вишневый сад» А. П. Чехова. Симферополь: Доля, 2006. С. 119–125 (0,4 п. л.).

41. Д. Л. Мордовцев о судьбе Елены Масальской: «роман женщины» или «роман о женщине» // О Женщине, женщинах и прочем: Сборник, посвященный юбилею профессора Е. Н. Строгановой. Тверь: Марина, 2007. С. 107–115 (0,5 п. л.).

42. История природы и история человечества в произведениях Соколова-Микитова // И. С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века. Тверь: Марина, 2007. С. 84–90 (0,4 п. л.).

43. Освоение чужого пространства: Египет в прозе Д. Л. Мордовцева // Образ России в историко-литературном пространстве XIX–XXI веков. Ч. 1. Курск: КГУ, 2007. С. 123–132 (0,6 п. л.).

44. «Некрасовщина» и «достоевщина» как «знамения времени»: Д. Л. Мордовцев о болезнях эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 14. 2007. С. 20–27 (0,5 п. л.).

45. Канонизация биографии как канонизация текста (Пушкин в прозе Д. Л. Мордовцева) // Филологический сборник. II. Велько Търново; Тверь: Университетско издателство «Св.св. Кирил и Методий», 2007. С. 55–57 (0,6 п. л.).

46. Пропущенная глава (А. М. Смирнов–Кутаческий о П. И. Мельникове) // А. М. Смирнов–Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008. С. 269–275 (0,6 п. л.).

47. Грибоедов – герой Д. Л. Мордовцева // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Вып. 9. Смоленск, 2008. С. 195–202 (0, 5 п. л.).

48. Судьба локальных сюжетов в художественных репрезентациях истории (Великий Новгород в русской беллетристике XIX века) // Образ России в литературе XIX – XXI вв. Курск: КГУ, 2008. С. 132–152 (1,6 п. л.).

49. История и поэзия: лирика Фета в русской исторической беллетристике XIX века // Афанасий Фет и русская литература: XXII Фетовские чтения. Курск: КГУ, 2008. С. 142–147. (0, 5 п. л.).

Подписано в печать 3.08.08. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Бумага типографская. Объем 1,75 п. л.

Тираж 100 экз.

Издательство «Марина»

(4822) 450–459, 8 920 684 6879

E-mail: [batasic@rambler.ru](mailto:batasic@rambler.ru)

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

170000, г. Тверь, Свободный пер., д.28

(4822) 321–868

